

«РУХ ЗУСІМ НЕЗАЛЕЖНІЦКІ...»

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АМЕРИКАНСКОГО ШПИОНА ЯНКИ ФИЛИСТОВИЧА

В первые послевоенные годы на территории БССР действовало немало бандитских групп, состоявших по большей части из бывших полицаев и уголовников. Идейных борцов против советской власти среди них было немного. Сравнительно большей численностью, организованностью и наличием идеологии отличались лишь отряды польской Армии Крайовой и украинской ОУН-УПА. Впрочем, и они были быстро разгромлены. Белорусские же националистические организации и их зарубежные покровители так и не сумели создать собственное антисоветское повстанческое движение, хотя такие попытки предпринимались. Еще в 1944 году в структуре абвера при участии таких деятелей, как Михаил Витушка и Борис Рогуля, был образован десантный батальон «Дальвитц» для подготовки белорусских диверсантов. Но десантировавшийся в тылу советских войск Витушка вскоре погиб. Белорусская эмигрантская пресса сочла за благо не поверить в эту смерть. На страницах газет, издававшихся в Западной Германии, вовсю муссировались слухи о масштабном антисоветском движении, которое якобы развернулось в БССР. Утверждалось, что армия «Черный кот» под руководством Витушки якобы насчитывает до 30 тыс. «партизан», а то и больше. Приводились детали никогда не проводившихся операций, таких как мифический «штурм Новогрудка» в 1948 году. «Возможностями» белорусских «партизан» живо интересовалось и Центральное разведывательное управление США. В 1951 году американцы забросили на территорию Беларуси своего агента Янку Филістовича, который вскоре был разоблачен и приговорен к расстрелу...

ВОСПИТАНИЕ НАЦИОНАЛИСТА

Трагедия этого человека, фактически, и сейчас остается неизвестной, несмотря на то, что написано о нем немало. При жизни хозяева Филістовича использовали его, по сути, как пушечное мясо, как пешку в большом политическом гамбите. Но и после смерти Филістовича, а вернее, усердно сочиняемый миф о нем, вновь остается разменной монетой в идеологических играх. Личности Филістовича, например, посвящена книга Александра Лукашука «Філістовіч.

Вяртанне нацыяналіста», опубликованная в 1997 году. Издана она в серии «Архіў найноўшай гісторыі», а аннотация предупреждает читателя: «Гэтую кнігу складаюць дакументальныя сьведчаньні». Но вместо объективного исторического исследования, основанного на документах, мы читаем художественное произведение в жанре радиопьесы. В нем «суд» и «Янка» обмениваются таким, например, диалогом: «Суд: Вы хацелі стаць сьвятаром, нават вучыліся ў духоўнай сэмінарыі. Чаму ня скончылі вучобу? – Янка: Таму што я добра ўсьведамляю ўсю адказнасьць і надзею ў гэтай галіне. Навука і духавенства могуць падняць ці скінуць у бездань Беларусь. Але ня маю да сьвятарства пакліканьня і таму пакінуў гэтую справу. Дзе б я ня быў, але калі над бел-чырвона-белымі штандарамі паветра прарэжа гук трубы, вочы мае заіскрацца ад радасьці і тады напэўна скінуў бы сутану. Таму не схацеў яе адзяваць, ці лепш сказаць, я недастойны яе адзяваць...» Не берусь судить о художественной ценности этого текста. Но, ознакомившись с уголовным делом № 3383 (в 23 томах) по обвинению Филістовича Ивана Андреевича, которое хранится в Центральном архиве КГБ (а именно из материалов этого дела А. Лукашук, в частности, черпал фактуру для своей радиопьесы), могу утверждать, что в этом произведении нет ни исторической, ни даже просто психологической достоверности. Несгибаемый борец Янка Филістович, высоким стилем объясняющий безликому советскому судилищу свои национальные идеалы, – эта картина, безусловно, способна произвести впечатление на непритязательную молодую аудиторию. Но более верен другой портрет, без ретуши и художественных фальсификаций: Иван Андреевич Филістович, 1926 года рождения, уроженец деревни Понятичи Ильянского района Молодечненской области, чувствующий у затылка холодок расстрельного пистолета и любой ценой стремящийся уйти от смертного приговора.

По версии А. Лукашука, Филистович в своем последнем слове на судебном процессе заявил: «Я так мала жыў... І сёньня складаю падзяку Усявышняму, што ён мне не дазволіў блукаць у раздарожжы, дарма губляючы дарагі час, але з ранніх гадоў скіраваў на сапраўдную дарогу...» («Філістовіч. Вяртаньне нацыяналіста», с. 57). Это еще одна из множества неправд или полуправд, из которых соткан националистический миф о Филистовиче. Идейная эволюция этого человека заслуживает особого рассказа. Большую часть своей короткой жизни Филистович искренне считал себя поляком и стыдился своего белорусского происхождения. На суде, начавшем свою работу в Минске 17 октября 1953 года, он откровенно признался: «До 1939 года я учился в польской буржуазной школе, где меня воспитывали в антисоветском духе, я с детства был воспитан против советской власти в буржуазной школе и костеле, и под влиянием такого воспитания я считал для себя унижительным быть по национальности белорусом и считал себя все время поляком...» (т. 23, л. 49).

Утрата польской самоидентификации случилась только после войны, когда Филистович окончил в Париже. Здесь в 1946 году по протекции одного из земляков он поступил в Польскую духовную семинарию. Однако проучился недолго. Произошло что-то, навсегда отвернувшее Филистовича и от польскости, и от религии. Сам он впоследствии описывал это так: «Будучи слушателем семинарии, я понял, что религия является опиумом для народа. К такому выводу я пришел потому, что религиозные люди занимались там политикой, что запрещено религией, и поэтому я стал видеть в религии обман. В связи с этим я поспорил с ректором университета, вернее, семинарии, и учебу в Польской духовной семинарии я через полгода оставил. По выходе из семинарии я осознал, что я являюсь белорусом, а не поляком» (т. 23, л. 53). Кстати, читатель может сравнить эти подлинные слова Филистовича об учебе в семинарии с тем процитированным выше текстом, что опубликован в «документальной» книге А. Лукашука, которую иногда даже ошибочно считают «стенограммой» судебного процесса. Комментарии, думается, излишни.

В Париже Филистович поначалу работал на промышленных предприятиях. Одновремен-

но с конца 1947 года он стал вольным слушателем Сорбонского университета. Однако совмещать работу и учебу было тяжело. Летом 1948 года Филистович поступил на исторический факультет Сорбонны, а средства на жизнь добывал случайными заработками в качестве электрика и подсобного рабочего. В эти трудные для себя годы Филистович и сблизился с белорусскими националистами. В лидерских качествах ему нельзя было отказать. Он объединил вокруг себя эмигрантскую молодежь, начал издавать газету «Моладзь». Когда Филистович стал открыто высказывать критические замечания о работе председателя Рады БНР Микола Абрамчика, против него была организована кампания шельмования: националисты распустили слух, что Филистович действует по указанию советского посольства. К середине 1949 года он был вынужден оставить политическую деятельность и начал строить планы переезда в Бельгию. Но такой возможности ему долго не представлялось. Вскоре на Филистовича обрушился новый удар: в марте 1951 года его не допустили к выпускным экзаменам в Сорбонне, так как у него не было документа о среднем образовании. Именно тогда неудавшегося политика и историка вновь «взяла под крыло» белорусская националистическая верхушка. Для Бориса Рогули, тесно связанного с ЦРУ, было важно забросить в Беларусь своего человека, чтобы создать видимость массовой антисоветской борьбы и получить финансирование от американцев. Микола Абрамчик, не исключено, использовал шанс окончательно избавиться от потенциально опасного политического конкурента. Все понимали, что отправляют Филистовича на верную гибель. Сам Филистович понял это только в минской тюремной камере...

ТРОСТЕНЕЦКИЙ КОНВОИР

Фактически Филистович был обречен с самого начала своей десантной эпопеи. Может быть, поэтому на его подготовку американцы не стали затрачивать много времени. Считанные месяцы в разведшколе ЦРУ на территории Западной Германии – и вот уже в сентябре 1951 года Филистовича

Янка
Филистович

десантировали с парашютом на его малой родине, в Молодечненской области. Ему даже не предоставили радиостанцию. Свои шпионские донесения Филистович должен был писать тайнописью между строчками обычных писем и отправлять их в Париж советской почтой. Шли последние годы сталинского правления, всюду развернулась борьба с безродными космополитами и низкопоклонством перед Западом. Разумеется, заграничная переписка перлюстрировалась, и несколько писем, отправленных из БССР в Париж, просто не могли не привлечь внимания спецслужб. Собственно, американцы должны были хорошо знать о таких тонкостях.

Вооруженная группа Микулича. Ильянский район, 1952 год. Предположительно, фото сделано Я. Филистовичем

По одной из версий, именно обнаружение этих писем с донесениями стало причиной провала Филистовича. Дело в том, что в первые месяцы после десантирования шпиона в БССР спецслужбы – сознательно или нет – попросту игнорировали его. Филистович так и не совершил никаких заметных диверсионных акций. Он обосновался в Ильянском районе и наладил связь со своими

родственниками (для которых это впоследствии обернулось огромными сроками тюрем и лагерей). Довольно быстро Филистович познакомился с группой заурядных бандитов, отсиживавшихся в лесу, и попытался сколотить из них «Беларускія нацыянальна-вызвольныя збройныя сілы». Единственным «тераком» в исполнении Филистовича стало нападение на типографию МТС в местечке Вязьня Ильянского района. Оно состоялось в конце июня 1952 года, то есть спустя почти восемь месяцев после высадки. Филистович забрал шрифт и типографское имущество, а здание типографии поджег. В лесу он попытался напечатать первый номер газеты «Жыве Беларусь», но безуспешно, так как не имел типографского валика.

Большой решительностью отличались бандиты, подчиненные Филистовича, из которых он безрезультатно старался воспитать идейных националистов. Бандитами верховодил некий Микулич, который где-то на проселочной дороге избил и ограбил финансовых агентов Ракецкого и Ивашенко. Добы-

ча составила 6 тыс. рублей. Как заверял Филистович на одном из допросов, он не имел отношения к этому грабежу, однако ничего не мог поделать со своими соратниками. Такой же банальной уголовщиной являлось сожжение дома крестьянина Федора Жолнеровича на хуторе Понятичи Ильянского района. Его якобы подозревали в сотрудничестве с МГБ, но в реальности бандиты просто сводили с Жолнеровичем личные счеты.

11 сентября 1952 года Филистович был арестован сотрудниками НКВД. Итак, военный шпионаж в пользу США, диверсия против типографии МТС, вооруженный бандитизм, ограбление финансистов... Это тяжкие преступления по меркам любого времени и любого государства. И все же, все же... Суд вполне мог ограничиться 25 годами заключения. Почему Филистовича расстреляли?

Мне кажется, последней каплей, упавшей на чашу весов Фемиды, в данном случае стала служба Филистовича в годы войны в 13-м батальоне СД. Филистович никогда особо не скрывал, что, хотя был призван в батальон по мобилизации в 1943 году, пошел служить охотно, так как был недоволен советской властью. Его отца, зажиточного крестьянина, перед самой войной арестовали органы НКВД как кулака.

Но на следствии Филистович настаивал, что был призван осенью, а не весной 1943 года, и что в карательных операциях никогда не участвовал (охранял штаб, был денщиком при офицере и так далее). Тогда ему были представлены показания его сослуживца по 3-й роте 13-го батальона СД Владимира Лонского о том, что уже в мае 1943 года Филистович служил в этой части. «Лонский путает меня с другим Филистовичем, также служившим в 3-й роте 13-го батальона СД», – продолжал утверждать подследственный на допросе 12 января 1953 года.

Через пять дней Филистовичу было предъявлено официальное обвинение. Один из его пунктов гласил, что он «принимал участие в карательной деятельности против партизан и других советских граждан». В сохранившемся в уголовном деле подлиннике обвинительного заключения эта фраза отчеркнута кем-то из вышестоящих начальников и поставлен знак вопроса. Действительно, в во-

енном эпизоде биографии Филистовича еще было много неясного. Когда он поступил в батальон? Был ли в этой части другой солдат по фамилии Филистович? Чтобы ответить на эти вопросы, следствие обратилось к старому уголовному делу 1948 года, фигурантами которого были сослуживцы Филистовича по 13-му батальону СД.

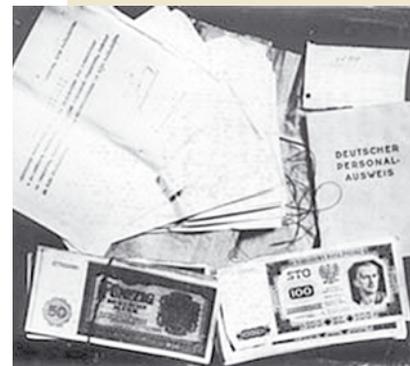
22 января 1953 года Филистовичу были предъявлены неопровержимые документальные свидетельства о том, что он был принят на службу в батальон еще 17 мая 1943 года. Это была ведомость о получении винтовки и «Графік выконваючай службы шуцманаў Беларускай Каманды ў месяцы травені 1943 г.». Везде была его подпись. Филистович был буквально раздавлен: «Да. Под порядковым номером 72 предъявленного мне в фотокопии документа значусь я – Филистович Янка» (т. 5, л. 237–238)... Наскоро он попытался сочинить новую версию и объяснил свою предыдущую ложь тем, что весной – летом 1943 года якобы был не рядовым солдатом, а ординарцем командира роты. Поэтому, мол, стыдился признаваться, так как сослуживцы звали его холуем. Но из документов следовало, что никаким ординарцем он не был и регулярно выезжал вместе со своей ротой на конвоирование арестованных и на карательные операции.

По показаниям Лонского, Филистович летом 1943 года участвовал в аресте 12 партизанских связных в местечке Войстом Сморгонского района, в августе того же года – в облаве на партизан в Вилейском районе. Одним из черных преступлений 13-го батальона СД стала ликвидация гетто в Глубоком. Об этом эпизоде на следствии рассказал бывший солдат батальона Франц Терех: «Примерно в августе 1943 года наша 3-я рота выехала в гор. Глубокое. Когда мы туда приехали, то застали много немцев и полиции, которые держали в оцеплении гетто, в котором находилось много согнанного еврейского населения, но сколько именно, сказать не могу. После того, как мы переночевали в гор. Глубокое, утром начали обстреливать весь район гетто из винтовок, пулеметов и пушек. В обстреле принимали участие и танки, которые там также находились. Одновременно помещения, где находилось согнанное еврейское население, поджигали.

Лично я, будучи вооруженным винтовкой, имея 120 патронов, также стрелял в еврейское население и таким образом расстрелял почти все патроны. Ввиду того, что помещения в районе гетто, где находились евреи, не все сгорели, мы все ходили по уцелевшим от пожара домам и там, где находили оставшихся в живых советских граждан еврейской национальности, расстреливали их» (т. 5, л. 281). Терех свидетельствовал: в расправе участвовал весь личный состав 3-й роты 13-го батальона СД. Был ли среди карателей Филистович? Что ж, посчитаем. Гетто в Глубоком было ликвидировано 20 августа 1943 года. А уже 25 августа Филистович получил 10-дневный отпуск с правом выезда в местечко Илья, на родину (т. 5, л. 234). Представляется весьма вероятным, что солдат был отмечен именно за «заслуги» при уничтожении гетто.

В октябре 1943 года Филистович вместе с другими солдатами 13-го батальона СД участвовал в ликвидации минского гетто. Как это происходило, рассказывал на допросе один из карателей Станислав Державец: «Во время месячного пребывания нашей роты осенью 1943 г. в г. Минске мы обучались тактике, как и в г. Вилейке, а затем принимали участие в расстреле советских граждан еврейской национальности, арестованных и согнанных немцами в гетто. Лично я, как и другие солдаты нашей роты, ездили в качестве охраны на автомашинах и доставляли советских граждан из гетто г. Минска в лес за лагерь Тростенец к месту казни, где их расстреливали и сжигали на костре. Расстрел и сжигание советских граждан производили немцы и мадьяры, а солдаты нашей роты только подвозили людей к месту казни и непосредственно в расстреле и сжигании советских граждан не участвовали. Однако зверская расправа над советскими людьми производилась на наших глазах. Лично мне пришлось слышать крик обреченных людей, которых расстреливали, а затем складывали в штабеля вперемежку с дровами. Все это обливали горячей жидкостью и поджигали... Возили арестованных мы полный день и сделали примерно рейсов шесть, забирая каждый рейс человек по 20 на автомашину» (т. 5, л. 263–264). Уже упомянутый Лонский уточнял: «За этот

Содержимое тайника Янки Филистовича, обнаруженного после его ареста

период времени Я. Филістович и другие в течение одной недели конвоировали из гетто советских граждан еврейской национальности в лагерь № 32, находившийся в Минске... Затем из этого лагеря евреев на автомашинах отвозили в лагерь смерти Тростенец, где их расстреляли. Всего было расстреляно до 500 человек...» (т. 5, л. 247).

Вот почему Филістович так настаивал во время следствия на том, что поступил на службу в 13-й батальон СД только в ноябре 1943 года. Он пытался скрыть свое участие в карательных операциях в предшествующие месяцы. Тем не менее, в «документальной» книге А. Лукашука упорно повторяются давно опровергнутые еще на следствии вымыслы и о «двух Филістовичах», якобы служивших в батальоне, и об осени 1943 года как начале службы «настоящего» Филістовича.

ДОКУМЕНТЫ

При отборе документов из уголовного дела № 3383 по обвинению И.А. Филістовича мы решили, прежде всего, остановиться на его шпионских донесениях. Все они вместе с некоторыми другими вещественными доказательствами (номерами газеты «Молодзь») хранятся в специальном конверте при 23-м томе дела, поэтому листы не пронумерованы. Филістович писал свои донесения

тайнописью между строк обычных писем. Отправить успел только первые четыре. Для пятого письма он сделал раствор со слишком большой концентрацией крови, поэтому его не отправлял. Шестое донесение он подготовил, видимо, только в черновике. Копии донесений он специально сохранял, чтобы помнить, что было написано в предыдущих письмах и не повторяться в последующих. Копии донесений написаны белорусской латиницей на клочках бумаги, вырванных из блокнота. Хранящиеся в деле №№ 1–4 написаны чернилами, №№ 5–6 – карандашом, причем № 6 представлен в деле только фотокопией. Во время следствия все донесения были переведены на русский язык с помощью самого Филістовича, уточнившего фамилии и расшифровавшего сокращения.

Также публикуется фрагмент из протокола допроса Филістовича, в котором он подробно рассказывает о системе шифров, разработанных для связи с Б. Рогулей и представителем ЦРУ Стифом. В частности, если бы Филістович написал в донесении фразу «зусім незалежніцкая», то для Рогули это означало бы, что на территории БССР нет никакого национального «партизанского движения», а существуют только «безыдейные неорганизованные банды». Именно такую формулировку мы и встречаем в донесениях Филістовича. Орфография документов сохранена.

1. Из протокола допроса И.А. Филістовича от 4 декабря 1952 года (т. 4, л. 157–160).

...Незадолго до моей переброски в Советский Союз в предпоследнюю встречу с Рогулей в Мюнхене, последний, разъясняя мне задачи, которые ставятся передо мной по сбору и отправке за границу информации по Белоруссии, сказал, что настоящее положение не всегда выгодно показывать американцам. С этой целью Рогуля разработал ряд условностей, с помощью которых я мог бы сообщать в своих донесениях за границу действительное положение в Белоруссии о так называемом «партизанском движении», и это понимал бы только Рогуля. Американцам по этому вопросу, как говорил мне Рогуля, я должен был представлять сведения в явно преувеличенном виде.

– С какой целью скрывалось от американцев настоящее положение?

– Рогуля объяснял мне, что американцев следует заинтересовать наличием якобы большой подпольной силы белорусских националистов в Белоруссии. Это увеличит, говорил мне Рогуля, помощь со стороны американцев бе-

лорусскому националистическому центру за границей в его подрывной деятельности против Советского Союза. Это был расчет на выманивание у американцев больших средств.

– К чему сводятся эти условности? Покажите подробно.

– Если бы я в своем письме, которое должен был, безусловно, читать Рогуля, писал бы: «Ваша сям'я жыве добра, усе на месцы» – это означало бы, что «партизанское движение» как таковое существует. Словом «незалежніцкая» я объяснял бы, что «партизанское движение» чисто националистическое – белорусское. Словами «вельмі незалежніцкая» я пояснял бы, что существующее «партизанское движение» – «русского направления». Слова «крайне незалежніцкая» означали бы, что «партизанское движение» – «пропольского направления». Если бы я писал «большасцю незалежніцкая», [то это] означало бы, что существующее «партизанское движение» – «прорусского направления». Слова «зусім незалежніцкая» объясняли бы,

что на территории Белоруссии существуют безыдейные неорганизованные банды. Если бы я писал Рогуле: «Сям'і няма», то это означало бы, что на территории Белоруссии вовсе нет никакого «партизанского движения».

– Какие еще были разработаны условности с Рогулей?

– Рогулей мне была разработана и другая группа условностей, с помощью которой я мог бы сообщить ему о возможном своем провале. Он предупреждал меня, что в случае моего захвата органами советской разведки меня могут заставить под диктовку писать письма в адрес приславшей меня разведки в целях дезинформации, о чем и должен был я предупредить данными мне условностями.

– Покажите об этой группе условностей.

– Условности эти сводились к тому, что в каждом своем письме, которое я должен был начинать словом [«пачатак»], ставил буквенное или цифровое обозначение. Какие буквы и цифры я должен был проставлять в каждом письме, записаны в имевшемся у меня клочке бумаги, который был обнаружен и изъят. Таких условностей было разработано на 40 писем.

– Кто непосредственно должен был получать ваши донесения?

– Донесения свои я направлял, как известно, в адрес Высоцкого, проживавшего в Париже по адресу: Сант-Оуэн, Рю-Гамбетта, 8. Как получить это письмо у Высоцкого или перехватить его заранее, было делом Рогули. Мне об этом неизвестно. Не исключено, конечно, что письма мои получал первым сам Стиф, который, как я полагаю, позаботился бы о том, чтобы получить их раньше Рогули и Высоцкого.

– Как в таком случае реагировал бы Стиф на ваши условности с Рогулей, которые встретил бы в ваших донесениях?

– Это обстоятельство заставило бы его обратиться к Рогуле, к чему, собственно, и стремился сам Рогуля, то есть чтобы американцы были зависимы от него в моем вопросе.

– У вас были условности и со Стифом?

– В случае провала и написания письма под диктовку органов советской разведки я должен был переставить нумерацию писем. По указанию Стифа номера писем я должен был ставить следующим образом: четные в левом верхнем углу письма, нечетные в правом, в случае провала этот порядок я должен был изменить наоборот. Кроме того, в случае провала и написания письма под диктовку я должен был изменить наклон почерка – писать с наклоном влево, нормально – с наклоном вправо, и наконец, в случае провала, учиняя в конце письма свою подпись «Янка», должен был закончить букву «а» закорючкой.

– Об этих условностях знал Рогуля?

– Думаю, что да. Рогуля меня заверял, что для него по моему вопросу от американцев секретов не будет.

– Какие еще у вас были условности со Стифом и Рогулей?

– Со Стифом больше никаких. С Рогулей же была разработана и третья группа условностей, которые были у меня записаны. Они аналогичны по своему принципу второй группе условностей и выработаны были для писем, направляемых мне из-за границы. С помощью этих условностей я мог бы знать, что письма мне направляет Рогуля, а не какое-нибудь подставное лицо. Предполагалось, что такую подставу могут осуществить органы советской разведки, о чем также предупреждал меня Рогуля.

2. Донесение № 1 (30 октября 1951 года).

30.X.1951 h. Pačatak. № 1.

Sytuacyja v[ielmi] ciazkaja. Siłaj zahnali ŭ kałchozy. Uvieś chleb zabirajuć. Narod haładaje – čakaje vajny. Isnuje ŭ nas davoli mocny partyzanski ruch. Dasiul vialosia biezahladnaje zmahannie, ciapier zachouvajem žyvuju siłu. Niedachop zbroi, amunicyi, lekaŭ i t. p. Ahulnaje niezadavalnienie bałšavickim panavanniem u našym krai. Na vypadak vajny usie biełarusy pojduć u les. Treba pryhatavać materjał i liudziej, pierasyłajcie heta na zhon sniehu na majo staroje miesca.

Zbroja jak u mianie. Vorah ciapier wielmi słaby ŭnutrana. Usim apastyleŭ abman. Adciahnuć hod budzie vialikaj pamylkaj – prastupstvam. Partyzany pytajucca: «Čamu niama aŭdycyjaŭ pa-biełarusku?» Dajcie lepšy srodak сувязі – dam cennyja viestki razmiaščennia u našym krai avijacyi i žyvoj siły voraha (praciuńnika). Z Karei viartajucca kaleki – byušyja asudžanyja na 15-25 hod. Padpałk[oŭnik] Słucki pierasyłaje pryvitanni Mikolie i inšym. Žyvie Bielaruš! Janka.

3. Донесение № 2 (9 ноября 1951 года).

№ 2. Pačatak (a). 9.XI.1951 h.

Naš ruch aporu zusim niezaležnicki. Dobra zarhanizavany. Dasiul vorah ihnaruje maju prysutnaść. Na vypadak vajny usie biełarusy pojduć u les. Padrychtujcie da hetaha materjał i liudziej. Pierasyłajcie na majo staroje miesca. Partyzany pytajucca: «Čamu niama aŭdycyjaŭ pa-biełarusku?» Siamji (Barysa) niama – vyvieziena. U Vilno mała vojska, mała i

letuvisaŭ. U Biela-Vaka – połk La-9; u Panarach – połk La-9; u Kiedejniauie – połk P-2 (bamb.), u Paniavežy – połk II-10 (m. štur.) i połk II-21 (reakc. bamb.). U Šaŭlajach – štab dzvizivii bamb. – połk II-2 (reakc. bamb.) i połk P-2 (mator. bamb.). Z Karei viartajucca kaleki byušyja palit. asudžanyja na 15-25 h. Pryvitanni usim. Kaniec. Žyvie Bielaruš. Vaš Janka.

4. Донесение № 3 (4 декабря 1951 года – отправлено, видимо, после 8 марта 1952 года).

4.12.51 h. Pačatak (d). № 3.
Padpałk[oŭnik] Słucki¹ viasnoj čakaje: 1 – Mi[kuliča] P. 2. S[niežko]. 3. Hał[ubowiča] A. 4. Abr[amčyka] K. 5. Mick[eviča] V.² 2 radyst[y], 2 aparaty, 10 dobra vyškolenych aŭtamat[čykaŭ], voprat[ku] skura[nuju], poŭnaje vypasaž[ennje]. Zbroja jak maja, ci v[ajennyh] niam[ieckich] aŭtamat[au] 44 h[oda]. Daj[cie] najbolš: aŭtamat[au], amunic[yi], hranat, min, lek[au], sav[ieckija] hrošy, ratatar, pałat[ak] s miaš[kami] i t. p. Miesca majo staroje peŭnaje, tut možna šmieła adpačyć samim. Kamp[ekty] kart 1:25:50000 (moj raj[on] zach[odni] i paŭn[očny]. Jak № 1?
Pryš[licie] mnie nov[yja] dakum[enty] z inš[ym] prožv[iščam] i błankaŭ da starych. Adkazy piš[ycie] 2 – da Č[ajeŭskaha] i da V[ysockaha]. U Horadni v[elmi] š[mat] vojska (b[ačyŭ] sam): № 37618, 26; 73937; 29345; 76937; 10869; 61581; 259 O.S.B. «B». Našy part[yza]ny zabaranili mnie utrymlivać suviaž z

vami, kali ad 1.I.52 h. nia budzie aŭdycyjaŭ pa-biełarusk. Pryvitanni. Z pavahaj. Kaniec. Janka. Žyvie Bielaruš. 8.III.52 h. vyviezli usich viarnuŭšychsia z Anglii.

Примечания:

¹ О подполковнике Слуцком Филистович на допросе заявил, что это личность, выдуманная им самим.

² Валентин Мицкевич, по словам Филистовича (допрос от 8 января 1953 года, т. 5, л. 171), был племянником Якуба Коласа, уроженцем Столбцовского района. До 1939 года служил в польской армии в чине капрала. Во время войны был комендантом полиции в Столбцовском районе. Отступил с немцами в Германию, где поступил в «Белорусскую дивизию» (30-ю дивизию СС). Во Франции дезертировал к американцам. В Париже возглавлял «Белорусскую независимую организацию молодежи».

5. Донесение № 4 (1 февраля 1952 года).

№ 4. Pačatak (2). 1.II.52 h.
U sakaviku dataj majho prybyčia na starym miescy čakaju

zbroju i tamu p[adobnaje], jak u № 3. U krasaviku toj samaj dataj čakaju zbroju i siabroŭ. Žyvie Bielaruš. Janka.

6. Донесение № 5 (1 мая 1952 года).

Pač[atak] (9). №-5. 1.V.52.
U mai majoi dataj na starym miescy čakaju: zbroju, rady[ja]-st[ancyju], medycyna. Kali sioleta vajna – siabroŭ. Pasla

hymnu BNR – čakaju praz 48 hadzin (Hołas Am[eryki]). Ruch zusim niezaležnicki. Uvaha – zdrady! Kaniec. Ž[yvie] Bielaruš! Janka.

7. Донесение № 6 (15 июля 1952 года).

№ 6. Pačatak (3). 15.VII.52 h.
Dajcie radysta, zbroi, amunicyi i t. d. Maximum druhi dahavor 66-1096. Vorah znajšou radyjo. Mianie ihnaruje.

Pašla hymnu BNR (my vyjdzjem...) – Hołas Amer[yki]. – Čakaju praz 48 hadzin. Byvajcie. Žyvie Bielaruš! Janka.

8. Свидетельство Я. Филистовича о нахождении пакетов с копиями донесений (12 января 1953 года; конверт при 23-м томе).

Дня 4-га сьнежня 1952 году, у маёй прысутнасці ў будынку Самаля Пётры з вёскі Пузава, ворганамі МГБ былі знойдзеныя 2-ва пакецікі, у якіх знаходзіліся копіі маіх лістоў-данясенняў і ключ, з дапамогай

якога я пасылаў лісты. Гэтыя два пакецікі ў свой час былі мною там захаваны, калі я ўкрываўся ў Самаля – ад сакавіка да 3-га мая 1952 г. Мінск, 12.I.1953 г. Я. Філістовіч.

9. Справка о достоверности военной информации, содержащейся в донесениях И.А. Филистовича (23 октября 1953 года; конверт при 23-м томе).

Сов. секретно. Только для председателя суда В[оенного] Т[рибунала].
По сообщению управления контрразведки МГБ Прибалтийского в/округа за № 1794 от 12/XII-52 года данные о воинских частях, местах их дислокации и техническом

вооружении, изъятые у обвиняемого Филистовича И.А., в основном совпадают с действительными данными и являются совершенно секретными.
Зам. нач. 5 отдела I управления МВД БССР подполковник Павлов. 23/X-53.

10. Фрагменты кассационной жалобы И.А. Филістовича в Военную коллегию Верховного Суда СССР (Минск, 11 ноября 1953 года; т. 23, л. 310–315; рукописный автограф).

[л. 310]. ... Мое воспитание и образование проходило в польской национально-шовинистической школе, где все внимание было обращено на то, чтобы с нас, несчастных детей Западной Белоруссии, поработенной белополяками, сделать «польских патриотов», и, искусственно привив нам ненависть к братнему Русскому народу, отделить от него, противопоставить против советского общественного строя. Преследуя эти гнусные цели, поляки закрыли все белорусские школы, чтобы детей Западной Белоруссии воспитать по-своему, в своем духе. Таким образом, я с шестилетнего возраста и до окончания неполносреднего образования учился в польской школе. О характере и направлении «образования», которое я там получил, а также о «взглядах», которые мне там привили по отношению к Советскому Союзу, к коммунизму, свидетельствует тот факт, что вплоть до своего задержания – 11-го [л. 311] сентября 1952 г. – я представлял себе коммуниста так, как мне его рисовали в польской школе в течение ряда лет, а именно с рогами, имея перед ним органически искусственно привитый страх <...>

Находясь на временно оккупированной гитлеровцами территории в 13-м батальоне, я не принимал никакого участия ни в карательных операциях врага против советских партизан, ни в репрессиях против мирных граждан, так как я, будучи денщиком при офицере, не находился в строевой части, что было установлено следственными органами и подтверждалось послужными списками 13-го батальона <...>

[л. 312]. После шестимесячного пребывания в семинарии я имел возможность убедиться, что сутана и «Слово Божие» являются ширмой для прикрытия всякого рода преступлений. Что так называемая «служба Богу» существует только на словах, на деле же имеется в виду что-то другое <...>

Это было началом, что я считал себя до сих пор поляком – начал сомневаться в правильности этого, и моим первым протестом против обману. Начиная с 1947 г., я систематически начал обрабатываться белорусскими буржуазными националистами во главе с Абрамчиком, продавшимися американцам, с которыми я установил связь, уже находясь в Париже. Белорусские буржуазные националисты «пожалели» меня, как заблудившегося, стараясь вырвать из-под польского влияния <...>

Хотя первоначально белорусские буржуазные националисты и имели на меня большое влияние, что способствовало осознанию того, что я действительно являюсь белорусом, однако ж мои заблуждения по отношению к Советскому Союзу остались прежними. Вскоре, однако, я увидел подлинное лицо Абрамчика и К^о и начал против них выступать на собраниях, а также в выдаваемом молодежном журнале «Моладзь». В результате этого была ощущаемая необходимость в создании молодежной организации, опираясь на которую можно будет бороться против Абрамчика, что и

послужило причиной создания так называемой «Беларускай Незалежнай Арганізацыі [л. 313] Моладзі», которую я и возглавлял. Хотя это и не была организация политическая, и не имела еще никаких ясных перспектив, тем не менее одно ее существование и отрицательная позиция к существующим белорусским националистическим организациям и их главарям во главе с Абрамчиком таило в себе угрозу, так как я вместе с другими мог убедиться в ложности так называемых «националистических идей» и стать на прямую дорогу – служения своей Родине. Понимая это, буржуазные националисты распустили слух, что я будто бы работаю по указаниям советской амбассады, с которой якобы имею связь. Эта версия имела меня окончательно компрометировать. В связи с этим я, не пробыв даже года главой организации молодежи, вынужден был выйти с нее, а также покинуть сотрудничество в журнале «Моладзь», что я и сделал. Это было в середине 1949 года. Начиная с этого время я никакого участия в жизни белорусских националистов не принимал.

Желая уехать из Парижа, а также иметь возможность хотя бы с трудом учиться, я начал вскорости ходатайствовать перед студенческим союзом переехать в Бельгию. Моя раскольническая деятельность, мой бунт во Франции были причиной того, что возможность переезда в Бельгию мне не была представлена около полтора года, то есть вплоть до середины марта месяца 1951 г., а именно до времени, когда белорусские буржуазные националисты во главе с Абрамчиком задумали меня использовать для гнусного антинародного дела. Это было в марте 1951 г., когда, возвращаясь с работы, я застал у себя на квартире Рагулю Бориса <...>

[л. 315]. ...Я окончательно выбросил з себе весь мусор, которым мне забивали голову, впервые прочитав, находясь в заключении, генеальные труды: «Капитал» К. Маркса, «Вопросы ленинизма» И.В. Сталина, несколько томов из сочинений В.И. Ленина и более трехсот других советских произведений. После этого мне, выходящу из крестьянской трудовой семьи, стало ясно: что такое капитализм и какие перспективы несет он людям труда! Мне стало ясно, что я являюсь «янчаром», коварно обманутым врагом, который взял мене своими хищными кровавыми руками почти с колыбели, ибо, родившись в неволе, я с шестилетнего возраста подпал под воздействие искусственно применяемого врагом опьяума. Поняв это, я глубоко переживал свое положение, в котором я очутился в результате коварного обмана, по своей молодости, и сделал все усилия к исправлению этой роковой ошибки. Я добровольно отдал весь матерьял, компрометирующий врага в его преступной деятельности против Советского Союза, а также ключ-условность з заграницей для разоблачения его планов <...> Филістович Иван Андреевич.

Олег ЛИЦКЕВИЧ ■